

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК – 129.129
ББК – 87

КУШНАРЕНКО Игорь Анатольевич,
профессор кафедры профессиональной этики
и эстетической культуры Московского университета МВД России,
доктор философских наук, доцент
kushnarenko_igor@list.ru
+7 926 820 64 74

09.00.11 – социальная философия

ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО В ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОМ ПОЛЕ

Аннотация. В общественном сознании часто отождествляются понятия чести и достоинства. Установлено различие этих категорий в рамках классической философской традиции и в плане наличия основных признаков прав и свобод человека и гражданина. Выявлен парадигмальный статус категорий чести и достоинства для мировоззрения эпох Средневековья и Нового и Новейшего времени соответственно. Установлено, что в эпоху постмодерна честь становится симулякр. Обоснована на методологическом уровне невозможность защиты чести правовыми средствами.

Ключевые слова: честь, достоинство, право, долг, деонтология, онтология, статусная группа, симулякр.

KUSHNARENKO Igor Anatolevich,
professor of chair of professional ethics
and esthetic culture of the Moscow university
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Doctor of Philosophy, associate professor

THE HONOR AND DIGNITY IN PHILOSOPHICAL AND LEGAL FIELD

Summary. In the public mind often identified the concepts of honor and dignity. Established difference between these categories in the classical philosophical tradition, and in terms of the availability of the main features of the rights and freedoms of man and citizen. Revealed paradigmatic status categories of honor and dignity for the world of the Middle Ages and the New and modern times, respectively. It was established that in the postmodern era honor becomes a simulacrum. It grounded on the methodological level, the inability to protect the honor of legal means.

Key words: honor, dignity, right, duty, deontology, ontology, status group, a simulacrum.

Понятия «честь» и «достоинство» весьма распространены в текстах и заявлениях морально-философского, юридического и социально-политического плана. Частота публичных обращений к ним должна, видимо, символизировать тот факт, что мы вырвались из темного тоталитарного прошлого и движемся по пути, вымощенном общепринятыми демократическими ценностями, к горным постиндустриальным высотам. Принято считать, что эти категории близко примыкают друг к другу, настолько близко, что сами термины, часто соседствуя в устной речи, на страницах художественных произведений, в средствах массовой информации, стали восприниматься общественным сознанием как синонимы. Эта тенденция не обращала бы на себя такого внимания, если бы она с завидным постоянством не воспроизводилась в положениях отечественных нормативных актов и служебных документов.

Конституция Российской Федерации в принципе эти понятия не смешивает. Так, ст. 20 устанавливает: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления». Об аналогичных гарантиях для чести граждан, как видим, речь не идет. И даже в ст. 23, гласящей, что «каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени», нет прямого указания на то, что защиту чести также берет на себя государство.

Однако авторы Гражданского и Уголовного кодексов России сочли, видимо, такую осторожность излишней. В статье 152 ГК РФ «Защита чести, достоинства и деловой репутации» обсуждаемые термины уже стоят в одном ряду, пополненном «деловой репутацией»: «Гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности». В УК РФ преступления против свободы, чести и достоинства личности выделены даже в отдельную гл. 17, содержащую, правда, только одну статью, касающуюся этих понятий, –

128.1, предусматривающую уголовное наказание за клевету, «то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию».

Что касается ведомственных документов, то весьма характерным представляется положение из утратившего силу в 2013 г. Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел России. Если «честь сотрудника выражается в заслуженной репутации, добром имени, личном авторитете и проявляется в верности гражданскому и служебному долгу, данному слову и принятым нравственным обязательствам» (ч. 3 ст. 5), то «достоинство неразрывно связано с долгом и честью, представляя собой единство морального духа и высоких нравственных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе и других людях» (ч. 4 ст. 5). Иначе говоря, достоинство внятно определяется производным от чести, будучи в то же время неким труднодостижимым «единством».

Если разница между этими аксиологическими единицами столь эфемерна, стоит ли использовать два термина? Особенно если они из этического контекста попадают в правовую, где терминологическая неясность, будучи чреватой непредсказуемыми юридическими последствиями, выглядит совсем уж неуместно. Возможно, какое-то из этих понятий шире, а другое им без остатка поглощается? Или, наоборот, они взаимно дополняют и отрицают друг друга, находясь в состоянии диалектической оппозиции?

При этом надо отметить, что европейские законодатели куда менее щедры на термины. Не думаю, что причиной этого служит скудость их словарного запаса. Для чести и достоинства, скажем, в немецком языке есть свои несовпадающие сущестительные – *Ehre* и *Würde*, во французском – *honneur* и *dignité*. Тем не менее, Конституция ФРГ от 23 мая 1949 г. лишь устанавливает в ст. 1, что «достоинство человека неприкосновенно. Уважать и защищать его – обязанность всякой государственной власти». В отношении защиты чьей-либо чести – никаких обязательств!

Германским Гражданским Кодексом эта сфера не затрагивается вовсе, а к уголовно наказуемым отнесены лишь узко очерченные оскорбление, злословие («кто в отношении другого лица сообщает или распространяет факт, который порочит его или унижает это лицо перед общественностью, если истинность этого факта не доказана...») и клевета («кто преднамеренно в отношении другого лица сообщает или распространяет заведомо ложный факт, который порочит это лицо или унижает его перед общественностью или угрожает его кредитоспособности...») – ст. 185–187 УК ФРГ. Обращает на себя внимание то, что в приведенных уголовно-правовых формулировках даже понятие «достоинство», как таковое, не употребляется, хотя речь идет о посягательствах именно на него. Не говоря уже о чести.

Конституция и Гражданский Кодекс Французской Республики вообще не содержат упоминаний о чести и достоинстве, а уголовное преследование предусматривается лишь конкретно за «умышленное посягательство на интимность частной жизни другого» (ст. 226-1 УК Франции) либо «обвинение, осуществленное любым способом и направленное против определенного лица, в деянии, способном повлечь судебные, административные или дисциплинарные санкции, если обвиняющему известно, что обвинение полностью или частично неверно, и если содержащий обвинение донос направлен должностному лицу судебного ведомства или должностному лицу судебной или административной полиции, либо органу, имеющему право начать по нему производство или передать его в производство компетентного органа, либо если оно направлено вышестоящему начальству или нанимателю обвиненного лица» (ст. 226-10 УК Франции). Забегая вперед, предположу, что французские юристы в вопросах защиты чести, видимо, всецело полагаются на исторический опыт, обобщенный в романах А. Дюма, и не пытаются увязывать эту сторону социальной практики с судебными процедурами.

Можно лишь уверенно сказать, что эти понятия относятся к аксиологическому ряду. Но вопрос, насколько корректно их

употребление по принципу «два в одном», требует детального рассмотрения.

Скорее всего, традиция такой смешанной интерпретации категорий чести и достоинства восходит к советскому периоду развития отечественной науки, будучи закрепленной в Словаре по этике, выдержавшем, как минимум, шесть переизданий, и претендующем, как тогда было принято, на бесспорность (в Словаре все правильно, потому что он Словарь!). В этом источнике *честь* определяется как «понятие морального сознания и категория этики, тесно связанная и во многом сходная с категорией *достоинства*. Подобно *достоинству*, понятие *чести* раскрывает отношение человека к самому себе и отношение к нему со стороны общества» [6, с. 397]. Похоже, что большинство читателей приведенными двумя предложениями и ограничились, полагая себя уже состоявшимися специалистами в вопросах чести и достоинства. Кстати, отпечаток выявленной тенденции несут и большинство современных учебников профессиональной этики. Но если дочитать соответствующий раздел словаря до конца, то мы узнаем, по крайней мере, что «понятие *чести* предполагает в отношении к человеку ту меру уважения, которую он заслужил, *достоинство* же личности основывается на **равном праве** каждого на уважение» [6, с. 398]. Иными словами, реальное правовое содержание обнаруживается только у достоинства!

И, раскрывая этот аспект, профессор С.А. Авакьян вполне справедливо указывает, что под достоинством личности понимается обладание человеком определенными нравственными и интеллектуальными качествами, причем не любыми, а такими, которые соответствуют моральным ценностям, принятым в данном обществе, государстве. Человек субъективно исходит из того, что он обладает такими качествами, и полагает, что так же его должны воспринимать и окружающие. Оценка человека как достойного означает, что речь идет о таких его параметрах, как: определенное поведение человека; невозможность совершения им поступков, осуждаемых общественной моралью; уровень ума и обра-

зования человека; отношение к окружающим, образ жизни, признаваемые в обществе желательными и даже образцовыми. Причем достоинство личности – категория, которая не зависит от факторов внешней (общественной и индивидуальной) оценки. Человек может заблуждаться насчет своих достоинств, превозносить их или не обладать ими. У него могут быть какие-то качества, по мнению окружающих, в скромном объеме. Но это не повод для отрицания достоинства вообще [1, с. 286, 287]. В таком случае в русле подобной интерпретации понятия достоинства лежит и утверждение о том, что «каждой личности без учета ее достижений, статуса или особенностей принадлежит человеческое достоинство» [3, с. 108].

Так, рантье, чей образ жизни с определенных позиций квалифицируется не иначе как паразитический, обосновывает свою социальную значимость тем, что он вносит посильный вклад в капитализацию экономики Отечества, в меру своих возможностей поддерживает незыблемость института частной собственности и не транжирит семейные ценности. Человек, ничего хорошего в жизни не сделавший для окружающих, находит свое достоинство в том, что не сделал ничего плохого, в своей хотя бы законопослушности, алкоголик – в том, что он «пьет на свои» и твердо стоит пусть не на собственных ногах, но зато на неконформистских позициях. Вспомним библейскую притчу о молитве фарисея и мытаря: первый благодарит Бога за ниспосланное ему благочестие, второй просит прощения за свои грехи, спрашивает, чем заслужить это прощение. Фарисей здесь совершает заведомо аморальный акт самоосвящения, мытарю же присуща подлинная моральность, но в собственных глазах достоинством в полной мере наделен каждый из них. В конце концов, обитатели исправительных учреждений также преисполнены достоинства, причем уровень его часто прямо пропорционален тяжести их противоправных деяний. А как им еще аргументировать свою самозначимость? Да и само наказание за противоправные деяния, считает Г. Гегель, не умаляет достоинства совершившего их, ибо должно быть отнесе-

но к категории собственных прав преступника: «Преступник почитается как разумное существо, и вынесенная судом санкция выражает тем самым уважение к преступнику как к личности, свободно выбравшей форму своего поведения в виде преступления» [2, с. 148].

Таким образом, оценка достоинства – это прежде всего дело самой личности, это главным образом ее самооценка, и базируется она на осознании своей самоценности, индивидуальности, неповторимости и своих заслуг перед обществом, которые могут быть как реальными, так и мнимыми.

Оказывается, можно весьма произвольно трактовать содержание таких фундаментальных нравственных категорий, как, например, добро и зло, долг, справедливость, можно даже сознательно ориентироваться на зло вместо добра, как это делают последователи некоторых экзотических религиозных культов, но никакой человек не согласится смириться с приписываемой ему ничтожностью, лишиться такой, казалось бы, эфемерной материи, как достоинство. Публичное признание индивидом своей ничтожности и недостойности осуществляется чаще всего в церкви и несет явный отпечаток кокетства или даже нарциссизма. Тем самым для человека оно едва ли не более значимо, чем физическое здоровье, материальное благополучие и даже сама жизнь. Человек может вынести множество лишений, но, как правило, он не переносит унижения, которое лишает его чувства собственного достоинства, возможности уважать себя. Такая утрата провоцирует распад личности, суицидальные наклонности. Вспомним японскую традицию, согласно которой для человека, «потерявшего лицо», т.е. утратившего достоинство, наиболее приемлемым актом считается уход из жизни через ритуал харакири. Таким образом, достоинство является, ни много ни мало, атрибутом, инвариантом человеческой личности, утрата которого равносильна даже не отрицанию ее, а небытию. Иначе говоря, эта категория имеет, прежде всего, даже не аксиологический, а онтологический характер.

Пожалуй, не найдется человека (за исключением, может быть, главы государ-

ства), который был бы удовлетворен своим социальным положением. Каждый из нас в глубине души считает, что он достоин чего-то большего. Но социальная пирамида на то и пирамида, чтобы сужаться по направлению к своей вершине. Чем выше очередной уровень, тем меньше на нем места. Субъективно это часто воспринимается как несправедливость. Постоянно переживаемое, это ощущение было бы разрушительным для личности. И вот на помощь приходит чувство собственного достоинства. Поэтому его можно рассматривать как внутриличностный механизм компенсации субъективных издержек объективного процесса разделения труда.

Вот почему достоинство включается в конституционный перечень неотъемлемых, родовых человеческих прав, что закреплено, в частности, в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, ратифицированной Российской Федерацией 30 марта 1998 г. Статья 3 этого документа гласит, что «никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию». Аналогичные нормы содержатся в Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятом резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 г. Этот акт, с одной стороны, устанавливает, что «при выполнении своих обязанностей должностные лица по поддержанию правопорядка уважают и защищают человеческое достоинство и поддерживают и защищают права человека по отношению ко всем лицам» (ст. 2), с другой стороны, что «ни одно должностное лицо по поддержанию правопорядка не может осуществлять, подстрекать или терпимо относиться к любому действию, представляющему собой пытку или другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания» (ст. 5). В какой степени понятие чести может претендовать на включение в этот список?

Честь – это положительная социально-нравственная оценка человека или учреждения, авторитет, репутация; это одно из главных нравственных качеств, высшая степень честности, порядочности и благо-

родства. Профессиональная честь – это признание общественным мнением и осознание самим индивидом факта и высокой социальной ценности (нужности и важности) самоотверженного выполнения им своего профессионального (служебного) долга. Таким образом, заслужить звание «человек чести» можно только безупречным исполнением долга и требований нравственности. Обрести это звание непросто, а чтобы потерять его, достаточно совершить лишь один бесчестный поступок. Недаром еще наши далекие предки учили: «Береги честь смолоду».

Значит, если в категории чести преобладает объективное содержание, то в категории достоинства, наоборот, субъективное. С другой стороны, честь, немислимая без выполнения долга, имеет деонтологическую природу, в то время как достоинство, как было показано выше, – онтологическую.

Для человека чести единственным оправданием неисполнения долга, сознательно взятых на себя обязательств является только собственная смерть. Неуместно в подобной ситуации рассказывать кому бы то ни было, в том числе и самому себе, про заболевшую бабушку или испортившиеся часы. Именно на этом основании, например, на Сицилии членов мафиозной организации «Коза ностра» принято было называть «люди чести». Но для такого человека понятия чести и достоинства равнозначны. Уронив свое достоинство, он, разумеется, утрачивает и честь. Но, более того, утрата чести оборачивается для него потерей собственного достоинства, а значит, подводит черту под существованием как личности. Причем не важно даже, что это произошло по независящим от человека обстоятельствам. Вспомним неписаную традицию, действовавшую в офицерском корпусе царской России. Допустим, офицер подвергся хулиганскому или разбойному нападению. Скорее всего, нападение это было неспровоцированным, а силы нападавших заведомо и многократно превосходили оборонительные возможности жертвы агрессии. Тем не менее, если отбиться (выйти с честью!) этому офицеру не удалось, он попал в полицейскую сводку

как потерпевший и инцидент этот получил огласку, командир части вполне мог предложить ему написать прошение об отставке. Просто не повезло, но со статусом несовместимо! И для ни в чем не повинного человека это во многих случаях оказывалось крахом не только служебной карьеры, но и судьбы в целом.

Следовательно, наличие чести автоматически создает основание для обретения собственного достоинства, то есть имеет место импликация «честь → достоинство». А вот об обратной импликации, в силу выявленных обстоятельств, речь в большинстве случаев не идет, что, собственно, и исключает возможность не только отождествления этих понятий, но даже придания им какого-то однопорядкового статуса, как философского, так, следовательно, и правового.

К числу современных признаков прав и свобод как бесценных человеческих благ в литературе отнесены: наивысшая значимость для человека, общества и государства; изначальный (первородный) характер, поскольку для их приобретения не требуется совершения активных действий; неотчуждаемость; особое положение в механизме правового регулирования системы общественных отношений, а именно формирование принципов правового регулирования и производных прав и свобод личности; всеобщность как принадлежность каждому, а также единство и равенство для всех; наивысшая юридическая сила; особая организационно-правовая система охраны (усложненный конституционный порядок пересмотра, гарантированность и защита со стороны высших должностных лиц государства) [4, с. 5, 6; 5, с. 120, 121]. И если по ряду перечисленных признаков аналогия между честью и достоинством действительно усматривается, то *изначальность (первородность), неотчуждаемость и всеобщность* как принадлежность каждому, очевидно присущие достоинству, вовсе не являются определяющими признаками для чести, в первую очередь в силу ее статусного характера.

В период Средневековья и раннего Возрождения честь устойчиво ассоциировалась с конкретными статусными группами. Статусность относилась не к личности, а к

корпорации, членом которой та или иная личность была и вне которой личность отделимо не рассматривалась, а, следовательно, ни о какой персонализации речи не шло. Честь была качеством знатных людей, для которых представляла ценность и как реальный фактор, и как регулятор их статусного (корпоративного) поведения, обеспечивая роль группового нормирования в виде определения и охраны границ определенного сообщества. Так, средневековый рыцарь считал себя свободным от государственных законов и за норму своего поведения полагал не право, а правила рыцарской сословной чести, исходя из убеждения в том, что лицо, способное носить оружие, не должно довольствоваться наказанием, налагаемым судом, а должно мстить с оружием в руках за вытерпленную неправду. И защищал он с оружием в руках не столько свое доброе имя или моральные представления, сколько честь рыцарского сословия, к которому он принадлежал.

В этот период сформировался этический стандарт, согласно которому формой управления поведением членов рыцарской корпорации стали согласительные правила, принимавшиеся самими корпорантами с обязательством им неукоснительно следовать. Даже единичное нарушение хотя бы одного из принятых правил означало для нарушителя исключение из корпорации, а следовательно, необратимую утрату привычного социального статуса. Тем самым честь и нравственность оказались связанными между собой. В то же время очевидно, что честь, рассматриваемая в этом исходном, классическом ракурсе, оказывается отнюдь не врожденной, а наделенной или приобретенной в связи с фактом вступления индивида в рыцарскую (самурайскую, служебную и др.) корпорацию.

Защита так понимаемой чести – исключительная обязанность ее носителя, в крайнем случае, корпорации, но отнюдь не государства и государственного права.

Понятие достоинства зародилось в античности, в процессе образования государств. В то время оно не связывалось с индивидуальной самобытностью личности. Ценность человека определялась лишь его

принадлежностью к государству. Причем понятие достоинства относилось только к свободным гражданам. Раб не считался человеком и поэтому не имел ни человеческого, ни гражданского достоинства.

Сложилась по-своему логичная социальная дифференциация: свободные граждане изначально, от рождения были наделены неотчуждаемым правом достоинства, а члены определенных корпораций – честью по факту принадлежности к данной корпорации. В некоторых случаях, например для представителей дворянского сословия, честь была первородной, но вполне отчуждаемой. Ее необходимо было защищать и отстаивать, а можно было уронить или запятнать. С утратой чести индивид вполне мог утратить и корпоративный статус, даже обретенный им изначально, по факту рождения. Так, офицер, разжалованный в рядовые за *бесчестный* поступок, вместе с погонами и шпагой лишался и прав дворянства.

Достоинство можно восстановить, в том числе, в судебном порядке. Это как в случае с конфетой: человек только приготовился ее съесть, но нечаянно уронил в грязную лужу. В принципе конфету можно оттуда выудить, тщательно вытереть и употребить в пищу, но не для всех это приемлемо. Если в отношении подлеца суд вынес решение, что тот таковым не является, то окружающие, каким бы ни было их мнение на этот счет, должны принять позицию суда как непреложную. А вот утрата чести – событие почти необратимое. Судебным решением ее не вернешь. Оброненная конфета никак не станет прежней! Трудно себе представить дворянина эпохи «Трех мушкетеров», который, получив публичную пощечину, не отстаивает свою честь на дуэли, а садится писать исковое заявление. Поправка «почти» оставлена на тот маловероятный случай, когда разжалованный офицер проявляет на фронте чудеса героизма, становится полным георгиевским кавалером и вновь обретает дворянство – вместе с честью.

В общем, иметь достоинство – это один из элементов социального комфорта, в то время как иметь честь – занятие хлопотное и затратное. Вспомним, что золотое

правило нравственности выступает в двух формах – позитивной и негативной: «(Не) поступай с другими так, как ты (не) хотел бы, чтобы они поступали с тобой». Так вот, творить добро – это для тех, кто хочет чести, а хотя бы не делать зла – для тех, кто готов ограничиться достоинством.

Такой баланс продержался до Нового времени – эпохи буржуазных революций. Обрести политическую власть предпринимательский класс был бы не в состоянии без привлечения к себе в союзники низших многочисленных слоев общества. И для них лозунг обретения равенства через отказ от сословно-статусных традиций сыграл роль морковки, которую вешают перед носом у ослика, чтобы сориентировать того в нужном хозяину направлении. Идея равенства людей от природы стала основой представлений о том, что любой человек, в силу принадлежности к человеческому роду, обладает неким абстрактным достоинством человека как такового. Сформировалось понимание достоинства как неотъемлемого атрибута человека, не требующего дополнительного признания со стороны общества. Подобное представление о достоинстве получило закрепление в концепции прав человека, принадлежащих каждому независимо от его расы, пола, возраста, социального положения.

Статусные группы, принадлежность к которым являлась необходимым условием обретения чести, были для нового господствующего класса политическими конкурентами. В зависимости от интенсивности их сопротивления буржуазно-демократическим преобразованиям в каких-то странах они были даже физически уничтожены, где-то просто упразднены, а где-то номинально сохранены в качестве дани консервативным традициям. Сегодня британская королева посвящает в рыцари ученых, банкиров и даже рок-музыкантов. Для чего это нужно?

Экономическое могущество буржуа удалось закрепить политической властью. Звон шпаги сменился шелестом банкнот. Но тщеславие никуда не делось. Быть толстосумом оказалось недостаточно: хочется аристократичности. А где ее взять, без чести-то? Согласиться с исключительной монополией

на честь только для профессиональных корпораций, основанных на служебном долге и поддерживающих социальную иерархию (армия, правоохранительные органы), просто обидно (за что боролись?).

Тогда можно просто достоинство, особенно если показатели его наглядны и выразительны, попробовать выдать его за честь. Так честь в современную эпоху становится *симулякром*: в лучшем случае она служит символическим обозначением достоинства, в худшем – символом, вообще не имеющим за собой оригинала. А кто возьмется утверждать, что российское общество и постмодернизм – вещи несовместимые? Потому и делаются попытки придать чести правовой статус со всеми вытекающими отсюда нелепостями. По добросовестному недомыслию или сознательно – наверняка определить затруднительно. Новое и Новейшее время пытается уравнять понятия Чести и Достоинства между собой и связать таким образом честь с успехом: материальным достатком, престижем, положением в обществе, властью, то есть честь не у того, кто ежесекундно готов к самопожертвованию, а у того, кто в состоянии за нее заплатить, например, адвокату. Но принять такую точку зрения – значит предать память неисчислимым поколений наших предков, которые отдали свои жизни ради того, чтобы мы жили сейчас и жили не просто, а с честью.

Список литературы:

[1] Авакьян С.А. Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь. М: Юстицинформ, 2015.

[2] Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.

[3] Лейбо Ю.И., Толстомятенко Г.П., Экштайн К.А. Научно-практический комментарий к главе 2 Конституции Российской Федерации «Права и свободы человека и гражданина» / Под ред. К.А. Экштайна. М., 2000.

[4] Мамонтов А.Г. Понятие, структура и принципы основ правового статуса личности: Лекция. М., 2001.

[5] Невинский В.В. Достоинство человека: от философско-правовой идеи к конституционному принципу современного государства (К 50-летию Всеобщей декларации прав человека) // Государство и право. 1999. № 10.

[6] Словарь по этике / Под ред. А. А. Гусейнова и И.С. Кона. 6-е изд. М.: Политиздат, 1989.

Spisok literatury:

[1] Avak'yan S.A. Konstitucionny'j leksikon: gosudarstvenno-pravovoj terminologicheskij slovar'. M: Yusticininform, 2015.

[2] Gegel' G.V.F. Filosofiya prava. M., 1990.

[3] Lejbo Yu.I., Tolstopyatenko G.P., E'kshtajn K.A. Nauchno-prakticheskij kommentarij k glave 2 Konstitucii Rossijskoj Federacii «Prava i svobody' cheloveka i grazhdanina» / Pod red. K.A. E'kshtajna. M., 2000.

[4] Mamontov A.G. Ponyatie, struktura i principy' osnov pravovogo statusa lichnosti: Lekciya. M., 2001.

[5] Nevinskij V.V. Dostoinstvo cheloveka: ot filosofsko-pravovoj idei k konstitucionnomu principu sovremennogo gosudarstva (K 50-letiyu Vseobshhej deklaracii prav cheloveka) // Gosudarstvo i pravo. 1999. № 10.

[6] Slovar' po e'tike / Pod red. A. A. Gusejnova i I.S. Kona. 6-e izd. M.: Politizdat, 1989.

